

18+

ХРУПКИЕ СОЗДАНИЯ

NETFLIX

ОРИГИНАЛЬНЫЙ
СЕРИАЛ
NETFLIX

СОНА
ЧАРАЙПОТРА
ДОНИЭЛЬ
КЛЕЙТОН

Дониэль Клейтон
Сона Чарайпотра
Хрупкие создания
Серия «КиноBest»

Текст предоставлен издательством
<https://litres.ru/63667386>
Хрупкие создания: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-115688-6

Аннотация

На что ты готова, чтобы стать прима-балериной в элитной школе? Джиджи, Бетт и Джун, три лучшие ученицы балетной школы на Манхэттене, не понаслышке знают, что такое быть в центре скандалов. Джиджи – свободолюбивая новенькая, которая просто хочет танцевать, но танцы в буквальном смысле могут её убить. Бетт – местная девчонка из привилегированной семьи, пытающаяся выйти из тени своей звездной сестры и готовая ради этого на все. Джун – перфекционистка, обязанная во что бы то ни стало заполучить главную роль именно в этом году, иначе ее мать, помешанная на контроле, заберет ее из школы. Здесь любой танцор может стать как другом, так и врагом. Девушкам придется жертвовать, манипулировать и быть готовыми ударить соперницу в спину, чтобы стать лучшей из лучших.

Содержание

Кэсси	5
Акт первый. Осенний сезон	14
1. Бетт	14
2. Джиджи	21
3. Джун	27
4. Джиджи	35
5. Бетт	44
6. Джун	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дониэль Клейтон, Сона Чарайпотра Хрупкие создания

Sona Charaipotra, Dhonielle Clayton

TINY PRETTY THINGS

В оформлении издания использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Netflix 2020

© 2015 by Sona Charaipotra and Dhonielle Clayton

© Е.А. Шабнова, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

*Навдипу – за все, что ты уже сделал и
продолжаешь делать для того, чтобы наша магия
воплотилась в жизнь*

Кэсси

Я умираю – снова и снова. Не по-настоящему, но это похоже на смерть. Мышцы растягиваются и горят огнем – вот-вот порвутся. Кости того и гляди вывернутся из суставов. Позвоночник сворачивается в немыслимые фигуры. Вены на руках вздуваются от напряжения. Кисти рук трясутся – изящные жесты дорого обходятся. Пальцы ног страдают в розовой тюрьме пуантов, на коже остаются созвездия волдырей и синяков.

Со стороны кажется, что все так легко. Так бесконечно красиво. А ведь только это и имеет значение.

Студия «Б» сегодня похожа на аквариум. Я молюсь, чтобы его стеклянные стенки занавесили плотной тканью. Взгляд Лиз обжигает: она прижалась лицом к стеклу, чтобы лучше нас разглядеть. Я знаю, она мечтает обо всем этом даже сильнее, чем я, но одного только желания мало. Лиз утверждает, что все заплачено, да и взяли меня только потому, что я племянница мистера Лукаса. Сама я, конечно, этого не слышала – Бетт рассказала мне о вчерашнем пьяном монологе своей подруги. Но я-то знаю: я добилась всего сама.

Морки рявкает, давая указания девочкам из кордебалета, а потом поворачивается к пианисту, чтобы задать темп. Мы

ставим весеннюю «Сильфиду»¹. Меня, единственную из девочек шестой группы, выбрали в качестве солистки. И балерины делают вид, будто рады за меня, – почти все, – но каждая надеется: я не справлюсь. Ни за что не доставлю им такого удовольствия. Хотя быть самой юной в коллективе – безумно тяжело.

Раньше меня постоянно спрашивали, вправду ли мне пятнадцать. Хотелось соврать и ответить, что на самом деле уже семнадцать. Или даже восемнадцать. Как и им.

Наблюдаю за пируэтами танцовщиц и фальшиво улыбаюсь. Меня не сломить. Я и виду не подам, как мне тяжело. Мышцы горят, опустошенный после вчерашней вечеринки желудок ноет. Нельзя было поддаваться уговорам Бетт. Теперь вот пожиная плоды.

Музыка внезапно обрывается, и Морки нависает над Сарой Такахаши, заставляет ее кружиться снова и снова, выкрикивает приказы на русском – будто бы Сара ее понимает. Наконец она кланяется, и Морки совсем слетает с катушек.

Сара – моя дублерша из восьмой группы. Роль сильфиды² должна была достаться девочке из этой группы, чтобы какой-нибудь балетмейстер заметил ее талант и пригласил в профессиональную труппу.

Пока есть время, прокручиваю в голове свое соло: каждое

---

¹ «Сильфида» – романтический балет в двух действиях Филиппо Тальони.
–Примеч. ред.

² Сильфиды – духи воздуха в средневековом фольклоре.

движение, каждый такт музыки. Морки показывает выпады медленно, отчетливо ступая в своих маленьких балетках с каблукками. В свои семьдесят она все еще воплощение грации – настоящая *danseuse russe*, русская балерина.

В студию проскальзывает Бетт. Она не придерживает дверь, чтобы все услышали: она здесь. Ненавижу эту ее способность заявлять о своем присутствии всему миру, но никогда в этом не признаюсь. На нее все пялятся – на светлые волосы, затянутые в пучок, на дизайнерскую юбку, похожую на сладкую вату, на губы, умело подкрашенные розовой помадой... Бетт опускается на пол позади всех, недалеко от горы сумок.

Ходят слухи, что место в студии досталось ей благодаря толстому маминому кошельку, но я в этом сомневаюсь. Она ведь действительно хорошо танцует. И всегда мне помогает: защитила перед Лиз и остальными, когда я только сюда приехала, показала, где тут что, угрожала девчонкам, которые меня задирали.

Уилл заходит сразу после: рыжие волосы уложены гелем, сценический макияж идеален. Он посылает мне воздушный поцелуй – его своеобразный привет. Утром сказали, что он будет дублером моего партнера. Уилл садится рядом с Бетт.

Морки вызывает меня в центр зала. Звучит легкая, безмятежная музыка – под такую только порхать. Обычно я растворяюсь в ней, и мелодия сама несет меня вперед, превращает в лесную фею, влюбленную в шотландского мблодца.

Но сегодня я ощущаю себя запертой в чересчур длинном, неуклюжем теле. Скольжу над полом, стараясь ступать в нужные места, но мышцы напряжены. Ловлю себя на том, что смотрю вниз, на отметки, и поднимаю взгляд. Сосредотачиваюсь на музыке. Стараюсь не думать о каждом движении в отдельности. Старая привычка. Плохая привычка. Должна бы уже давно знать все наизусть. Я убеждаю себя, что легка как воздух. Но ноги мои этого не понимают, движения скованны.

– Давай-давай!

Голос Морки эхом отдается от зеркал. Улыбка сползает с моего лица. Под ее взглядом я теряю всю грацию. Уверенность покидает меня, испаряется вместе с выступившим на коже потом.

Скотт ждет меня у левого края воображаемой сцены. Подлетаю к нему, подаю руку – он прижимает меня к груди. Морки перекрикивает музыку:

– Улыбайся! Ты же влюблена!

В зеркале отражается моя вымученная улыбка. Подбираюсь, когда руки Скотта сжимают мою талию. Морки машет руками, останавливая нас в полуподъеме.

– Влюбленность! Не вижу ее! Где она, где? – Морки жестом выгоняет меня из центра. – Может, мы ошиблись в тебе, Кассандра? – Русский акцент придает ее словам остроты, и они режут лучше всякого ножа. – Покажи давай, за что тебя выбрали.

Она снова машет тонкой рукой. На мое место встает Сара, чтобы отрепетировать со Скоттом подъем, который я сделать не смогла. Успокаиваю себя, повторяя: это необходимо. Он должен уметь поднимать и меня, и Сару. На всякий случай.

Расстроенная, направляюсь в дальний угол, где сидят Уилл и Бетт.

– Ты должен... – шепчет Бетт, но Уилл, заведев меня, на нее шикает.

– Эй. – Он улыбается и показывает на свободное место рядом. – Не задалось, да?

Перевожу дыхание и стираю с верхней губы капельки пота. Бетт пялится на меня, и под ее взглядом я чувствую себя отвратительно: тяжелой и лишней. Уилл печально вздыхает, словно я щенок, которого только что пнули.

– Не принимай близко к сердцу, – продолжает он. – Морки просто монстр.

– Ты как? – Бетт натянуто улыбается.

– Не знаю, что на меня нашло. – Закрываю глаза и тянусь всем телом. – Вчера все было в порядке. Ну, вы видели.

– Ты как будто его боишься. – Уилл кивает в сторону Скотта. – Стесняешься, что ли?

– У меня вообще-то парень есть, – отвечаю резче, чем следует. Вот бы Анри был здесь, но он сейчас в Парижской оперной школе. Его рукам я хотя бы могу доверять.

Тут же извиняюсь. Не понимаю, что со мной.

Бетт хмыкает:

– Перебрала с алкоголем?

Вчера она все подливала и подливала мне дорогого вина, которое вытасила из маминых запасов. Хотя я отказывалась.

Киваю, радуясь такому простому объяснению.

– Надо было сразу спать пойти.

– А ты не пошла? – Бетт удивленно хмурит брови.

– Иногда я танцую по ночам, чтобы уложить все в голове перед сном.

Прикладываю ко лбу руку – с чего это из меня сегодня сыплются откровения? Но я доверяю Бетт. Алек за нее поручился, хотя поначалу я сомневалась. К тому же Уилл – его лучший друг.

– Ноги не держат. – Прижимаюсь спиной к стеклянной стене, за которой улица. Солнечное тепло прогоняет холод, поселившийся внутри. На дворе весна, но я все равно мерзну.

– Что же мне делать? – размышляю вслух.

Бетт и Уилл переглядываются. Они знают, как угодить Морки. Они же здесь давно.

– Соберись, – говорит Бетт, смахивая со свитера невидимую ниточку. – Морки не терпит драм и отговорок. – Она наклоняется и делает растяжку, разогревается, словно пришла сюда не просто посидеть в сторонке. – И постарайся больше столько не пить.

– Бетт! – одергивает ее Уилл.

Слышать это неприятно, но виду я не подаю. Шепчу:

– До вчерашнего я ни разу не пила.

Если Бетт и удивлена, то не показывает этого.

Мне сложно в этом признаться. До того как переехать в Нью-Йорк, к семье моего кузена Алека, и поступить в балетную школу, я только и делала, что танцевала, училась или ждала звонка от Анри, сидя на диване с моей британской приемной матерью. Нью-Йорк совсем не похож на Лондон.

– Не думала, что мне так сильно ударит в голову.

Мне хочется пожурить Бетт за то, что она мне столько подливала, но я этого не делаю. Она ведь мой единственный настоящий друг здесь, в Нью-Йорке. Нельзя же вот так просто все разрушить.

– У всех бывают «не их» дни. – Уилл успокаивающе гладит меня по ноге. Будто это поможет.

На глаза наворачиваются слезы. Я слизываю с губ клубничный блеск и слышу голос матери, которая меня за это ругает. Она всегда говорила, что леди так не делают.

Оглядываюсь, оборачиваясь, и вижу, как Сара Такахаши выполняет подъем, который не смогла сделать я. Морки ей подмигивает.

– Не волнуйся, Кэсси, – радостно возвещает Бетт. – Уилл тебе поможет. Мне вот всегда помогает.

Слово «всегда» она произносит с нажимом. Взгляд Уилла блуждает по студии, словно он следит за мухой.

Бетт дарит мне ослепительную улыбку – такую широкую,

что я могу пересчитать все ее зубы. Идеальную, как и вся она.

Меня снова вызывают в центр зала. На этот раз вместе с Уиллом. Чувствую, как Бетт смотрит на него, пока Морки показывает нам следующие несколько па. С болезненной сосредоточенностью, каждый сам по себе, мы запоминаем движения. У нас уходит почти час на то, чтобы вызубрить их, и только потом Морки позволяет нам попробовать самим. Наконец я стою в центре, готовая показать все, на что способна.

Жду, когда зазвучит музыка. Разум мой спокоен, исчезло все: тревога, критика, лица за стеклом. Я вижу только Уилла и представляю на его месте Анри. Делаю первый шаг, становясь музыкой. Каждое движение руки – верное. Я прыгаю, и кружусь, и взлетаю, и скольжу. Я порхаю.

– Следи за музыкой! – кричит Морки.

Руки Уилла на моей талии. Подъем. Он поддерживает меня правым плечом так, словно я ничего не вешу.

– Она же не коробка, Уильям, – говорит Морки. – Она драгоценность. Так с ней и обращайся. Как с самым дорогим, что у тебя есть.

Его пальцы впиваются чуть ли не прямо в кости – Уилл пытается меня удержать.

– Прекрасно, прекрасно! – Морки перекрикивает музыку.
– Кассандра, улыбайся!

Улыбаюсь изо всех сил. Смотрю в зеркало, слышу только

наставления Морки. Делаем «рыбку»³ – медленно, грациозно, сосредоточенно. Но что-то идет не по плану. Уилл делает неверное движение, и меня качает назад. Пытаюсь восстановить равновесие, но поздно. Уилл как будто обессилел. Такого раньше не случалось. Поддержки нет, и я падаю на правую ногу.

Я словно срываюсь со скалы. И лечу вниз, к полу, целую вечность.

---

³ Pas de poisson (*фр.* буквально «движение рыбки») – прыжок в балете с одной ноги на другую, при котором ноги отбрасываются далеко назад. Танцовщица может выполнять прыжок с поддержкой партнера. – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

Акт первый. Осенний сезон

1. Бетт

Говорят, ожидание слаще, чем то, чего ждешь, так что я планирую насладиться этим состоянием по полной. Мистер К. любит тянуть кота за хвост.

Мы столпились вокруг него в зале Американской балетной школы – скоро он произнесет свою ежегодную речь о «Щелкунчике», в которой огласит распределение ролей. Дважды в год, осенью и весной, студенты заменяют профессиональных танцоров на одно представление в Линкольн-центре. Это испытание наших характеров. Вкус нашего будущего.

По этому списку можно судить, чего ты стоишь в этой школе, главном поставщике профессиональных балерин Америки. Я стою немало.

Мы с Алеком держимся за руки, и я не могу перестать улыбаться. Через пару мгновений я увижу свое имя там, на стене, напротив феи Драже, и тогда начнется моя настоящая жизнь.

Моя старшая сестра Адель танцевала фею Драже шесть лет назад, пока я прыгала по сцене в роли херувима – золотые крылья, губы покрашены помадой моей матери. Тогда

ожидание не казалось таким уж сладким. Само действие было гораздо лучше: колючие колготки, сладкий, металлический запах лака для волос, сияющий венец в волосах. Блестки на щеках. Страх перед тем, как выйти на сцену, и лавина радости после. Цветы, поцелуи мамы и руки отца – он поднял меня в воздух и назвал «принцессой». Вот что было лучшим переживанием тогда.

Входные двери закрыты на засов – речь мистера К. настолько важна. Сквозь большие окна вестибюля мне видно людей с покрасневшими от холода носами, они сбились в кучу, сражаясь с октябрьским ветром. Им приходится ждать на лестнице, на площади Розы Эбни, названной в честь моей бабушки. Двери не откроют, пока мистер К. не закончит говорить. Людям придется мерзнуть.

Мистер К. поглаживает ухоженную бороду – значит, вот-вот начнет. Я выучила его привычки благодаря Адель, prima-балерине профессиональной труппы.

Выпрямляю спину и кладу руку Алеку на шею, легонько поглаживаю то место, где начинают расти его светлые волосы. Он улыбается. Мы – идеальное воплощение пары солистов, которые невообразимо долго ждали возможности станцевать в зимнем балете, но были готовы к этому давным-давно.

– Момент истины, – шепчу я.

Алек улыбается и целует меня в лоб. Он тоже взволнован. А я уверена, что через пару мгновений снова смогу любить

балет.

Мы оба на хорошем счету.

Я помню, какой счастливой выглядела Адель, танцующая фею Драже. Эта роль помогла ей получить место в труппе сразу после выпуска. Хочу чувствовать то же, что и она. Никто мне не помешает. Даже Лиз в этом году не так уж хороша. В классе нет никого, кто смог бы делать то, что делаю я.

Опускаю руку и стискиваю ладонь Алека. Его лучший друг – Уилл, с которым я больше не общаюсь, – прожигает меня взглядом. Завидует.

Родители и другие родственники за нашими спинами замолкают.

– Возможность танцевать в «Щелкунчике» – не просто тренировка вашей техники.

Мистер К. делает паузу. Он всегда говорит медленно, словно придумывает речь на ходу, хотя произносит похожие слова каждый год. Но я все равно вслушиваюсь в каждое слово так, словно слышу впервые. Мистер К. всегда продумывает свои слова, тщательнее всех, кого я знаю. Он смотрит мне в глаза, и я знаю, что он только что подтвердил мою судьбу. Его взгляд не случаен. Как иначе? Я чуть склоняю голову в знак уважения и не могу сдержать улыбки.

– Техника – основа балета, но танец зарождается и оживает в вас самих. Вашей личности. В «Щелкунчике» каждый персонаж – важная часть балета как целого, и поэтому мы так тщательно отбираем роли. Ваша сущность выражается

в вашем танце. Все мы до сих пор помним Джерарда Селлинга в роли Мышиного короля прошлой зимой и Адель Эбни, которая танцевала фею Драже. В их выступлении была и невероятная техничность, и неповторимая радость, и красота. Из учеников они превратились в настоящих художников, как гусеницы, покинувшие свои коконы и ставшие тем, чем и должны стать, – бабочками.

Мистер К. всегда называет нас бабочками. Не своими учениками, не танцорами, не атлетами или балеринами. Бабочками.

Когда мы выпустимся, он преподнесет лучшему танцору ожерелье с бриллиантовой бабочкой – Адель снимает свое только на время выступлений.

– Джерард и Адель добились успеха благодаря тому, как они исполнили партии Мышиного короля и феи Драже, – добавляет он. – Благодаря тому, как они вжились в роли.

Я склоняю голову еще ниже. То, что мистер К. упомянул мою сестру, – тоже знак. Про Адель и ее фею Драже до сих пор говорят. Шесть лет спустя! Она была всего лишь в шестой группе, ей даже пятнадцати не исполнилось. Никогда еще на эту роль не брали девушку столь молодую, в обход танцовщиц из восьмой группы.

Мне тогда было семь. Я горячо обнимала сестру, поздравляла ее с выступлением, когда к нам подошел мистер К. И загадочно улыбнулся.

– Адель, да ты сияешь! – сказал он.

С тех пор мне страшно хотелось, чтобы он сказал то же и обо мне. Но он ни разу этого не сделал. Пока.

– А ты, маленькая Бетт! Готов поспорить, совсем скоро ты пойдешь по стопам своей сестры. И однажды доберешься до феи Драже. – Мистер К. подмигнул мне.

Сейчас он наверняка вспоминает тот разговор. И напоминает о нем мне – о своем предсказании. Оно наконец сбывается.

Я почти подскакиваю на месте от волнения. Алек сжимает мою руку.

Голос мистер К. смягчается:

– Юная Клара, например, должна быть милой и каждым своим движением пробуждать дух Рождества.

Его взгляд останавливается на одной из *petit rat*, крысят,⁴ – в нежно-голубом леотарде и с темными волосами, свернутыми в аккуратный пучок. Она краснеет. Я радуюсь за маленькую Мару. Я танцевала Клару, когда мне было одиннадцать. Мара заслуживает весь тот восторг, который испытывала тогда я.

Даже годы спустя я думаю о том дне как о самом радостном выступлении в жизни. Сразу после рождественского сезона мама начала показывать мне старые записи с Адель и сравнивала ее технику с моей. И тогда между мной, матерью и Адель все изменилось, как в плохой ТВ-драме. У ме-

---

⁴ Так называли совсем юных танцоров, репетировавших под крышей Парижской оперы, за издаваемый ими характерный шорох. –Прим. ред.

ня кружится голова от одной мысли об этом. Я до сих пор слышу шум рентгена – так, словно это было вчера. Лучше об этом вообще не вспоминать, и я на секунду прикрываю глаза и очищаю мысли. Легонько стискиваю ладонь Алека и сосредотачиваюсь. Мое время пришло.

– Дядюшка Дроссельмейер должен быть загадочным. Человеком, хранящим секрет, – продолжает мистер К. – Щелкунчик – держаться по-королевски уверенно.

Мистер К. задерживает взгляд на Алеке, и тот ослепительно улыбается. Еще бы, это ведь его точное описание. Чуть сильнее к нему прижимаюсь. Он отпускает мою руку и обхватывает мои плечи. Этот момент и так восхитителен, а внимание Алека делает его еще лучше.

Мистер К. называет еще парочку персонажей, описывает их качества. Я приглаживаю волосы – все должно пройти идеально.

– А фея Драже, – мистер К. смотрит на всех нас, – должна быть не только красивой, но и доброй, полной радости, загадочной и игривой.

Он ни на ком не останавливает взгляд, и это странно. Неужели забыл, где я стою? Наверное, мистер К. так развлекается. Специально затягивает ожидание.

Описание идеальной феи Драже совсем не похоже на меня. Но роль моя. Я знаю это точно, потому что мистер К. говорит:

– Но самое главное, фея Драже должна сиять.

Я снова сжимаю руку Алека. Роль точно моя. Я сияю, как сияла Адель. Это моя роль. Всегда была моей.

Но мистер К. по-прежнему не смотрит на меня.

2. Джиджи

Я так сильно прикусила нижнюю губу, что чувствую вкус крови, и ранка пульсирует сильнее, чем сердце у меня в груди. Но я лишь сильнее впиваюсь зубами в собственную плоть – не могу остановиться. И в уборную не пойду, чтобы взглянуть в зеркало, что я там натворила. Нельзя все пропустить.

Мы стоим плечом к плечу, целое море бумажных кукол. Стоит ветру дунуть посильнее, и мы взметнемся, как осенние листья, и вылетим прямо через окно в холле. Мы – свет, ранимый и неясный.

Я ужасно нервничаю, и это прекрасно. Даже совсем молодые балерины, крысята, грызут ногти. И парни затаили дыхание. Когда мистер К. делает паузу, в тишине бурчат полупустые желудки, измученные балетной диетой из грейпфрутов и чая.

Мы внимательно слушаем. Шепот подобен взрыву фейерверков. Русский акцент придает словам мистера К. веса и важности. Он вышагивает перед нами, и запах сигарет и перегара обволакивает нас. Я так пристально слежу за его словами, словно могу поймать их в банку, как бабочек, одно за другим.

Остальные учителя стоят позади него. Их пятеро, с мистером К. шестеро. Тех, кто решает нашу судьбу. Виктор аккомпанирует на пианино. Он самый низкорослый. На губах

у него вечная усмешка, в зубах – сигарета, и он редко открывает рот, но знает многое – все то, что учителя о нас думают. Морки и Павлович – балетные учительницы. Мы зовем их близнецами, хотя они не сестры и вообще ни капельки не похожи. Они щурят на нас глаза, словно мы – призраки и разглядеть нас трудно. Еще есть мистер Лукас, глава собрания и отец Алека, и Дубрава, еще один учитель. Мистер К. поздравляет нас с тем, как профессионально мы держались на пробах. А потом весь учительский состав запирается в офисе администрации. Кто-то предполагает, что они пошли за списком. Без них в зале становится легче дышать.

Вспыхивают негромкие разговоры. Я вылавливаю из шума слова «новенькая», «черная» и «девчонка». Я здесь уже месяц, но первая важная проба заставляет меня чувствовать, что цвет моей кожи – как свежий солнечный ожог. Я – единственная темнокожая балерина в школе, не считая Майи, но она еще совсем маленькая. Чаще всего я стараюсь об этом не думать, ведь я такая же, как и большинство: обучалась по классическим канонам, приехала изучать русский стиль балета, надеюсь попасть после школы в труппу. Но здесь цвет кожи значит гораздо больше, чем в моей старой калифорнийской студии. Там мы держались за руки, когда объявляли роли, обнимали и поздравляли друг друга.

Аврора в «Спящей красавице», Китри в «Дон Кихоте», Одетта в «Лебедином озере» – цвет кожи не важен. Никто не задавался вопросом, как они будут выглядеть на сцене. И

строение тела мало волновало. Никто не говорил о страсти русских к «белому» балету, о труппе светлокожих танцоров, об идеальном эффекте. Здесь мы все носим пучки и цветные леотарды – разные для каждой возрастной группы, – красимся перед занятиями и изучаем стиль Вагановой⁵. Мы следуем традициям и старым привычкам. Таков русский путь. Его я хотела изучать. Упрашивала родителей отправить меня в школу на другой конец страны.

Элла, моя лучшая подруга из Калифорнии, считала, что я сошла с ума. Она не понимала: для меня балет – это все. Я не могу представить, что буду заниматься чем-то другим.

Кто-то шепчет: «Кого же выберут на роль феи Драже?», но вопрос тонет в шиканье. Мы и так знаем, что это будет Бетт. Все мечтают о соло. Все хотят стать примой Американской балетной школы. Все хотят место в труппе. Все хотят быть любимицей мистера К. Даже я.

В окно светит луна, хотя сумерки еще не наступили. Дома сейчас полдень. Мама наверняка уже закончила работать в саду. Интересно, ждет ли она объявления наших ролей, прониклась ли она наконец балетным духом? Она хотела, чтобы я продолжала танцевать в местной студии. Чтобы балет остался забавным хобби.

– Ты ведь можешь навредить себе, – сетовала она перед

---

⁵ Стиль Вагановой является продолжением и развитием традиций французской, итальянской и русской школ, разработан русской танцовщицей и педагогом Агриппиной Яковлевной Вагановой.

тем, как отпустить меня на пробы. Словно балетные травмы – это что-то вроде синяков от падения с велосипеда.

– Заболеешь. А то и вообще умрешь, – добавляла мама. О смерти она говорила чаще всего.

Я борюсь с нервами. С тоской по дому. С комком в горле, который растёт, когда я окидываю взглядом зал и в очередной раз убеждаюсь: я – единственная темнокожая балерина в высших балетных группах. Мне одиноко. Большинство учеников здесь уже несколько лет: моя соседка Джун, Бетт и Алек, которым наверняка достанутся ведущие партии в этом году. Наблюдаю за тем, как Бетт прижимается к Алексу, – идеальная пара. Слышу, как она вздыхает в ожидании своего большого момента. Сдерживаю вздох. Я новенькая, и мне не стоит хотеть того, что есть у нее. Ни роли. Ни Алекса. Но что поделать?

Отворачиваюсь, пытаюсь отвлечься. Поднимаю взгляд на сотни черно-белых портретов выпускников Американской балетной школы, которые стали солистами, преподавателями или стажерами в Американской балетной труппе. Все стены увешаны их изображениями: они смотрят на нас, напоминая, что всегда есть куда стремиться. Среди них лишь два темных лица, и это за пятьдесят лет истории. Мое лицо будет третьим. Я обязательно попаду в профессиональную труппу и докажу родителям: к этому готова я вся – и руки, и ноги, и разум. И сердце.

Ищу в толпе тетю Лию: на ней легинсы и платье, которое

она связала сама. Слышу, как тетя чересчур громко представляется остальным родителям и опекунам – сообщает, что она младшая сестра моей матери и куратор галереи в Бруклине. Замечает меня, улыбается и машет рукой. В розовой вязаной шапочке и со смуглой кожей, усыпанной веснушками, тетя Лиа выделяется в этой толпе так же сильно, как и я, а она ведь живет в Нью-Йорке уже не первый десяток лет. Машу ей в ответ. Девочки рядом со мной напрягаются. Моя соседка, Джун, делает шаг в сторону. Даже двигаюсь я слишком громко, но мне все равно.

Дверь кабинета распахивается, и скрип петель заставляет всех умолкнуть, затаить дыхание. Я прижимаю к груди ладонь. Мистера К. встречают аплодисментами. Его секретарь подходит к доске, у него в руках бумаги. Мистер К. оглядывает зал.

– Подождите! Стойте, стойте! – Он поднимает руку, и секретарша останавливается.

Мистер К. проходит сквозь толпу. Он темен, почти зловец – одет во все черное. Антон Козлов, русский танцор.

Меня трясет от волнения.

Перед мистером К. расступаются, расчищают путь. Опускаю взгляд. Рядом с ним мне всякий раз неудобно, так и не смогла от этого избавиться. Я унимаю дрожь в руках, заставляю мышцы расслабиться, а сердце – замедлить ход. Слышу, как учащается дыхание соседок. Все мы – клубок нервов и сосредоточены до тошноты. Стараюсь использовать мамину

успокаивающую технику: представляю, как слушаю шум моря через большую розовую ракушку, которую отец прошлым летом нашел на Гавайях. Настраиваюсь на знакомые звуки, но выходит плохо. Слышу шаги, вижу свое отражение в начищенных до блеска черных туфлях. Мистер К. касается моего подбородка, и через мгновение я смотрю в его зеленые с искорками глаза. На лбу выступает пот. Чувствую привкус крови во рту и вспоминаю мамины краски. На меня все смотрят. Даже учительницы.

Родители замолкают, и тетя Лиа тоже. Облизываю пульсирующую ранку на губе. Лицо мистера К. маячит передо мной. Я краснею и не могу отвести взгляд. Все вокруг замирает.

3. Джун

Мистер К. прервал свою речь из-за Джиджи. Это ужасно, конечно, но мне нравится видеть, как ей прилетает за задумчивость. Интересно, все калифорнийцы такие? Пусть знает свое место. Мистер К. не говорит ни слова, но я-то знаю, что он имеет в виду: слушай внимательно. Всегда.

Я отпиваю чая из термоса, чтобы скрыть улыбку. Горькие ягоды китайского лимонника греют и успокаивают желудок. Борюсь с желанием отойти в уборную, чтобы склониться над фаянсовым другом и выблевать сегодняшний обед. Но как такое пропустить? Надо быть в курсе событий.

Секретарша мистера К. прижимает список к сердцу, словно мы ринемся выцарапывать его... Хотя мы могли бы.

– Сияние, – произносит мистер К., а потом повторяет это еще раз пять, просит танцоров дать определение слова, описать, как оно должно смотреться на сцене, грозит перенести результат распределения ролей на попозже, если ему не ответят.

Танцоры дрожат и запинаются – какие уж там ответы? Если б меня спросил, я бы сразу ответила: сияние на сцене внутреннее. Это значит не играть персонажа, а быть им. Такое мало кому под силу, но мне – так точно. Но ролей мне не дают, как бы удачно ни проходили пробы. Нужно время.

Позвоночник словно щекочут изнутри: волнение, трево-

га, нервы. Я этим наслаждаюсь. У моих однокурсников ветер в голове, они заиклены на собственных эмоциях и не могут объективно смотреть на вещи. Они не обращают на мир должного внимания. Если бы обращали, то уже знали бы, как распределили роли. Мистер К. не меняется. Те, кто здесь давно, знают о его привычках все. У новичков нет шансов. Балет – это рутина, постоянная тренировка, чтобы мышцы беспрекословно повиновались мысли. Я занимаюсь здесь с шести лет – моталась туда-обратно из Квинса, пока не переехала в общежитие. Я знаю, как тут все устроено. Распределение ролей в «Щелкунчике» – все к этому сходится. Первая постановка учебного года. С него все начинается.

Жду не дождусь, когда наконец-то смогу принять в нем участие. Для меня Американская балетная школа давно стала домом – даже больше домом, чем та дряная квартирка во Флашинге, где я жила с матерью. Мне знаком здесь каждый уголок, все студии и кабинеты, кафе, студенческий зал, моя угловая спальня. Я знаю, что лифт не останавливается на тринадцатом и восемнадцатом этажах. Знаю, какая лестница приведет вас на этажи мальчиков, знаю имена всех танцоров на черно-белых фотографиях, знаю тихие местечки для занятий или укромные закутки для темных делишек. Не то чтобы я там часто с кем-то зажималась. Не то чтобы я вообще там зажималась.

Толпа в холле растет. Это родители. Кто-то открыл внешние двери, и родители пришли забрать крысят и узнать о ре-

зультатах проб. Когда-то бывшая жена мистера К., Галина, балерина Парижской оперы на пенсии, собирала нас, ее крысят, в кучку, чтобы мы тихонько наблюдали за старшими. Любой уважающий себя танцор просит родителей не лезть в это дело или дождаться новостей по телефону. Мистер К. не любит, когда мы ведем себя как дети. Моих родителей здесь, конечно, нет. Мать вообще отказывается сюда заходить. Иногда она подъезжает к школе, чтобы всучить мне рисовых пирогов, кучу упаковок водорослей и чай. А отца у меня и вовсе нет.

Тетка Джиджи, у которой огромная копна волос, все ближе придвигается к ученикам и слишком громко разговаривает. Это отвлекает: мистер К. дошел до того, как ему нелегко дались пробы в этом году. Я плююсь на затылок Джиджи, надеясь прожечь в нем дыру. Вот бы сказать ей, чтобы приструнила свою тетю. Хочу прошептать сквозь зубы *-joyonghae*, «Тише давай!» – как всегда делает мама. Я хочу слышать каждое слово. То, что он скажет; определит, как далеко я продвинулась; что он думает обо мне теперь. Мистер К. замолкает, и родители неловко хлопают. Он кивает и прикладывает палец к губам. Может, еще скажет о чем-нибудь?

Хотя вряд ли. Я бы смогла произнести речь за него. Я знаю, что в этом списке, который блондинка-секретарша вешает на доску. Джиджи стоит прямо передо мной. Ее трясет. Она словно маленький зверек перед стаей волков. Я чувствую ее страх и волнение. Мистер К. наверняка отдал ей

роль Арабского Кофе, как той темнокожей девочке два года назад. Джиджи такая же *экзотичная*. Я не помню даже имени той девчонки, уж больно быстро она сдалась, когда стало совсем тяжело. Она все жаловалась, как сложно быть единственной афроамериканкой в школе. Ха, попробовала бы быть единственной наполовину азиаткой. Вообще некуда приткнуться. Это тяжело. И мистер К. всегда отдает экзотические роли нам, этническим меньшинствам. Стае корейских девочек наверняка достанутся роли Китайского Чаю. Но я выгляжу *недостаточно азиаткой* для такого точного распределения. Да я и не хочу быть Чаем. Хочу быть на другом конце спектра.

Все знают, что Бетт Эбни сыграет фею Драже. Ее сестра когда-то станцевала эту роль идеально, и разговоры о ней не затихают до сих пор. К тому же дрянные девчонки всегда получают то, что хотят. Бетт сияет и вполнину не так ярко, как Адель, но мистер К. все равно отдаст роль ей. Шаг ее легкий и быстрый, и она очень изящна. Мы не друзья (никогда ими не были и никогда не будем), но я не против увидеть ее феей Драже, даже если мне самой придется потерять роль. Характер у Бетт острый, как бритва, – совсем ничего общего с ее кукольным личиком и воспитанием, достойным высшего общества. Ее подпевала и соседка по комнате Элеанор станет дублером.

А еще есть клон Бетт – Лиз Уолш; вот она, чуть дальше. Стоит словно на военном параде: грудь вперед, нежные руки

по швам, стопы в первой позиции. Подходящая для балета стать. Холодная брюнетка, идеальна для роли Снежной королевы.

Она выглядит расслабленной, но глаза у нее дикие и следят за происходящим. Я рада, что не чувствую ее отчаяния. Даже несколько слоев одежды не скроют ее неестественной худобы. Я попиваю свой чаек, радуясь, что после него не остается чувства голода. Белые не особо разбираются в диетических восточных напитках. Они-то пьют американские, напичканные калориями. Мы могли бы поделиться своими тайнами, но предпочитаем молчать.

– Мистер К., хватит тянуть! – выкрикивает Алек. – Покажите список!

Мистер К. улыбается. Только голубоглазому блондину Алеку может сойти такое с рук. Его отец стоит в ряду учителей и ухмыляется. Алек – сын президента совета попечителей. Ему вообще все сходит с рук.

Алек прерывает мистера К. снова. Он получит роль Щелкунчика и будет танцевать с Бетт. Это логично – они же встречаются, единственные на потоке. Из шести мальчиков младших классов только двое предпочитают девочек – новенький, восходящая звезда по имени Анри, и Алек. Бетт игриво подмигивает и кладет руку на щеку Алека, словно она – его преданная жена, и лучший друг Алека, Уилл, толкает его в плечо. Бетт теребит в руках кулон, который носит не снимая. Наверное, Алек и подарил. Я дотрагиваюсь до сво-

ей голой шеи. Я мечтаю только об ожерелье с бабочкой от мистера К.

Рыжеволосый Уилл, конечно, будет играть старика Дросельмейера. Грациозный Уилл может станцевать большинство женских партий лучше любой танцовщицы в нашем классе. Если б ему позволили, точно бы станцевал. Он мастерски подводит глаза, а за его пластику любой бы здесь убил.

Но мистеру К. и Дубраве это не нравится. Пока Уилл не станет мускулистым и подтянутым – *настоящим русским танцором*, – он так и будет торчать на второстепенных ролях.

Мистер К. выходит в центр. Мы уже на взводе. Джиджи глаз не сводит со своей тетки и чуть ли не подпрыгивает от предвкушения. Скоро она поймет, что лучше здесь не вызывать эмоций. Никогда не подавай виду, кого хочешь играть. Люди смотрят и запоминают. Всегда. И забирают желаемое у тебя из-под носа.

Мистер К. останавливается рядом с Анри и разглядывает его волосы, рассыпавшиеся по плечам. Пресса называет его восходящей звездой, маленьким Михаилом Барышниковым⁶, но мы по-прежнему обращаемся с ним так, словно он – ничто. Он приехал в школу к концу летнего семестра. Анри иногда говорит по-французски и собирает свои темные

---

⁶ Михаил Барышников – советский и американский артист балета. – *Примеч. ред.*

волосы в хвостик. Он встречался с Кэсси Лукас. Меня передергивает, когда я вспоминаю, что с ней сделали в прошлом году. После этого случая нас затаскали по семинарам, посвященным «соревновательным порывам». Анри ни с кем не общается, да и с ним никто особо не хочет разговаривать. Боятся, что он узнает о том, что случилось с его девушкой, и все расскажет. У балерин свои секреты.

В глазах Анри зловещие искорки. Я бы отдала ему роль Мышиного короля только из-за них.

Мистер К. останавливает взгляд еще на нескольких учениках. Комната бурлит, как кипящая кастрюля. Я пересчитываю главные роли по пальцам и раздаю их своим одноклассникам: Клара, Щелкунчик, Снежная королева, дядя Дроссельмейер, Арабский Кофе, Китайский Чай, Русская кукла, Арлекин, Испанская кукла, Снежинки, фея Драже, Тростниковая Флейта, Фея Росинки, матушка Джинджер. Только в самом конце я понимаю, что не назначила роль самой себе.

Зимнее выступление: Щелкунчик

Главные партии

Клара – Мора Джеймс

Взрослая Клара – Эдит Диас

Щелкунчик – Алек Лукас

Снежная королева – Бетт Эбни

Дублер Снежной королевы – Элеанор Александер

Снежный король – Анри Дюбуа

Дроссельмейер – Уильям О’Райли

Арабский Кофе – Лиз Уолш
Китайский Чай – Сей Джин Квон, Хе Джи Йи
Фея Драже – Жизель Стюарт
Дублер феи Драже – И Джун Ким
Мышиный король – Дуглас Картер
Фея Росинки – Мишель Дюмон

4. Джиджи

Время за полночь. Безумный день распределения официально закончился, но я не могу уснуть из-за переполняющего меня восторга. Я, Жизель Стюарт, – фея Драже! Темная бабочка мистера К. Слова порхают в моей голове, как бабочки в инсектарии, легкие, нетерпеливые и невероятно красивые. Они составляют мне компанию.

Меня поздравляли – конечно, поздравляли, – но слова их были странными и пустыми, а объятия – неловкими. Покажушными, потому что на нас смотрели учителя. Меня пробирает дрожь. Тело жаждет движения, невзирая на поздний час, на то, что все отправились спать и свет везде потух. Только в движении я смогу выбросить все из головы и уснуть, а утром пойти на урок. Выскальзываю из постели и на цыпочках иду к двери, чтобы не разбудить соседку, Джун. Прислушиваюсь к шагам комендантов, патрулирующих этаж, а потом выхожу.

Стоило бы отдохнуть. Дома мама бы на этом настояла. Это нужно для здоровья. Но я знаю, что на самом деле мне нужно танцевать. Особенно сейчас. Нужно хорошенько все обдумать. Подготовиться.

В лифтах установлены камеры, потому я спускаюсь по лестнице – одиннадцать пролетов до первого этажа. Не хочу, чтобы меня заметили.

Немного задыхаюсь на подходах к своему тайному месту – скольжу мимо административных офисов, через холл, из одной зеленой комнаты в другую зеленую комнату. Лишь бы охранник не заметил.

Я до сих пор слышу шепотки студентов и родителей, как будто они до сих пор здесь. Черная девчонка. Новенькая. Никакая она не фея Драже. Стопы неразработанные. Ноги слишком мускулистые. Такое лицо на сцене будет смотреться смехотворно. Лучше бы отдали роль Бетт. Ведь её сестра была звездой сцены – так говорил сам мистер К. Джиджи никогда не достигнет таких высот.

Призраки чужих слов подгоняют меня вперед. Я тихонько крадусь по залу.

Балетная школа находится позади Линкольн-центра, в одном из самых красивых зданий комплекса. Когда я впервые его увидела, мне показалось невозможным, что в нем столько всего: танцы, театр, кино, музыка, опера и куча другого. Студии на первом этаже – стеклянные коробки, наполненные светом. Я провожу по прохладным стенам пальцами. Задерживаю дыхание и пригибаюсь, проходя мимо офиса диетолога. Ее схемы, плакаты и холодный стол – причины множества истерик, и эта маленькая женщина имеет власть вытурить танцора из школы, если его вес будет слишком маленьким. Это мотивирует.

Подпрыгиваю от неожиданности, когда замечаю выходящего из студии Алека. Сейчас почти середина ночи! Мы пе-

ресекаемся взглядами. Открываю и закрываю рот, как рыба, и с языка моего срывается какое-то глупое оправдание, а он улыбается так, словно никому и ничего не расскажет.

– Ты что здесь делаешь? – Алек хватает меня за руку и тащит в темный угол коридора, подальше от камеры. Это, конечно, ничего не значит. Он принадлежит Бетт. Бетт, у которой гладкая фарфоровая кожа, идеальная речь и движения, словно она их репетирует. У меня волосы непослушные и пушистые, и я вечно говорю невпопад. Надеюсь, хоть ладони у меня не липкие.

– Они всегда наблюдают, – шепчет Алек. – Запомни места, где можно спрятаться.

Он так близко. И пахнет от него совсем не так, как если бы он танцевал весь вечер. Я втихаря вдыхаю аромат его древесного дезодоранта и сладкого пота, от которого его руки блестят в темноте.

– Я люблю танцевать по ночам, – мямлю я, хотя в Калифорнии за словом в карман не лезла. – Я хожу в закрытую студию – ту, что в подвале.

Зачем я ему проболталась?

– Я тоже занимался, – отвечает он.

Выдавливаю из себя улыбку и не отвожу взгляд. Вообще, мне бы много хотелось узнать об Алеко: почему он выбрал балет, о чем мечтает, каково будет его целовать. Раньше я в таком ключе о парнях как-то не задумывалась. Парни только отвлекают от по-настоящему важных вещей. По крайней

мере, балерин. Не обычных девчонок.

Напоминаю себе: Алек – парень Бетт, хотя мысленно подмечаю, какие у него широкие плечи и что обтягивающие штаны и худи мало что скрывают.

Есть что-то неуловимо особенное в паре балетных танцоров. Нельзя не восхищаться тем, как красиво, как синхронно они двигаются. Длинные руки, светлые волосы, легкость и грация. Думаю, даже зрители в состоянии понять, что Алек и Бетт вместе. Это же так очевидно.

– Ты ведь меня не выдашь? – Вспоминаю, как флиртуют девчонки в фильмах.

– Только если ты меня не выдашь, фея Драже, – отвечает он игриво.

В его словах нет темных ноток, нет угрозы. Я улыбаюсь. Не уверена, что мне хоть кто-то улыбался за весь тот месяц, что я здесь. Хотя Алек всегда был приветлив.

– Договорились. – Легонько касаюсь его руки. Черт его знает зачем. Это ж не сделка, да и руку я ему не пожимаю – просто какой-то странный рефлекс.

Он напрягается, но не спешит отодвинуться.

– Ты – крайне интересный выбор для роли феи Драже.

Я не знаю, что ему ответить.

– В том смысле, что ты очень энергичная, – объясняет Алек, заполняя повисшее между нами молчание. Мы почти соприкасаемся руками, и я чувствую жар его тела и даже, кажется, пульс. Мы и не думаем отстраняться.

– Спасибо. – На секунду позволяю убедить себя в том, что Алеку я так же интересна, как и он мне. – В прошлом году ее Кассандра играла? Она ведь второкурсница тогда была?

Зачем только ляпнула о ней. Лучше бы молчала – лицо Алека тут же искажает боль.

– Да. Кэсси – моя кузина.

Между нами повисает еще более неловкая тишина. Никто в школе не говорит о девочке, ушедшей в прошлом году, и мне немного грустно. И очень любопытно. Не знала, что она его кузина. Мямлю:

– Мне жаль.

– Ничего. Давай не будем об этом. Поговорим лучше о твоей роли.

От моего внимания не ускользает, что Алекс отвечает на мои улыбки и глаза его загораются огнем, когда я признаюсь, как рада поработать с ним. И он не делает шаг назад. Интересно, не пора ли ему уже в постель?

– Я тоже буду рад с тобой поработать, – произносит он, и я вдруг замечаю, что глаза у него невероятно синие.

А потом в конце коридора раздается какой-то шум. Алек делает шаг назад.

– Увидимся завтра! – прощается он.

– Ага, – отвечаю.

– Не танцуй до самого утра!

Он уходит, а я остаюсь. Взвешиваю каждое его слово и думаю о легких прикосновениях. Растворяюсь в темноте за-

ла. Коридор заканчивается у лестницы в подвал. Люди редко сюда заходят.

Спускаюсь вниз.

Это помещение далеко от комнаты отдыха и кабинета физической терапии – очень удачно. Через маленькое окно видна закрытая студия, а в ней – очертания сваленного туда хлама. На первой неделе занятий я спросила об этой студии Джун, и она сказала, что тут всегда так было. Учителям этот зал не нравится, потому что там нет окон, а для танцев необходимо хорошее освещение. Русские называют это *плохой энергией*: комната доверху набита неудачей и тьмой, и о ней все словно забыли. Но я не верю в предрассудки. Я не выхожу из раздевалки с левой ноги, не зашиваю в свой костюм талисман на счастье и не целую сцену перед выходом. Даже не прошу других танцовщиц посылать мне «проклятия» в день первого представления. Дома родители хранят дурацкий веничек, чтобы выметать из квартиры зло, и часто жгут шалфей, чтобы очистить домашнюю ауру. Но я верю только в свои ноги и в то, на что они способны в балетных туфлях.

Вынимаю шпильку из пучка и вставляю в старый замок, жду, когда крошечный болтик опустится вниз, щелкнет и соскочит с места. Люблю бывать там, где меня быть не должно: на чердаке калифорнийской школы или в пустующем соседском доме в Сан-Франциско. Есть что-то волнующее во вскрытии замков и исследовании пространств, которых

остальные люди словно не замечают.

Замок открывается быстро. Я смотрю налево, потом направо и исчезаю в темноте. Хлам хрустит под ногами, я провожу рукой по стене и нащупываю выключатель. Единственная рабочая лампочка трещит и не сразу загорается. Другая лампочка, без стекла, начинает мигать. В полусвете я вижу ткань, покрывающую сваленные здесь вещи, дыры в полу и зеркала под черными занавесками. Сломанные станки свалены кое-как, покрыты лохмами паутины и пыли. Воздух тяжелый, словно замерший в ожидании чего-то. Становлюсь в свой уголок, кидаю на пол сумку и смотрюсь в единственное открытое зеркало.

Из верхнего угла молнией расползлась через мое отражение трещина. Мама всегда говорила, что нельзя смотреть в разбитое зеркало – это к несчастью, – но мне все равно. На губе заживающая ранка. Поверить не могу, что так сильно прикусила. Нервы совсем ни к черту. Эта блямба портит весь вид. Больше не позволю себе так нервничать.

В сумке жужжит телефон. Родители. Они-то знают, что я еще не сплю. Скидываю их на голосовую почту. Знаю я, зачем они звонят. Спросят, сходила ли я к медсестре после оглашения списка ролей. Потом похвалят меня, но только для того, чтобы узнать, как я себя чувствую. Физически. С тех пор как я приехала в Нью-Йорк, они относятся ко мне как к беспомощной больной, которой место в инвалидном кресле, а лучше вообще в пузыре. Хотя мне официально раз-

решили танцевать несколько месяцев назад.

Лучше вообще об этом не вспоминать. Не хочу, чтобы кто-то узнал. Никогда. Включаю музыку на телефоне. Мелодия из «Щелкунчика» звучит совсем тихо, словно бы изда- лека, но сейчас и так сойдет. Я хочу танцевать.

Нахожу в хаосе своей сумки пуанты, надеваю. Ноги сразу становятся такими длинными, что кажется, будто я на ходулях. Тянусь вверх, от пальцев ног до макушки, стараюсь превратиться в одну прямую линию. Разум успокаивается, и управление переходит к телу. Следую за музыкой: каждый аккорд – волна, каждая нота – всплеск. Ноги двигаются в такт ритму, рисуют на полу безумные невидимые узоры. Сердце выскакивает из груди. Вру себе, что это только из-за танца и восторга, ведь мне отдали ведущую роль. Но голосок в голове шепчет: это все потому, что я думаю об Алеке. А- леке, который принадлежит Бетт.

Грудь сдавливает. Напоминаю себе, что нужно контроли- ровать дыхание. У меня не случилось приступов ни в балет- ном классе, ни на пилатесе – вообще нигде уже целый год. Я в порядке.

Замедляю дыхание. Я полностью контролирую свое тело. Опускаюсь с носочков, стираю со лба пот, восстанавливаю дыхание, обхватив голову руками. Может, если потянусь, то смогу расслабиться еще сильнее? Если сосредоточусь на том, как тянутся мышцы, то смогу собраться? Закидываю ногу на станок и тянусь, ожидая, что вот-вот меня накроет по-

кой, как всегда после упражнений. Мышцы дрожат, в ногах покалывает, руки трясутся. Ногти фиолетовые. Свет мигает все реже. На миг я оказываюсь в печальной тьме, а потом ее вновь сменяет свет.

Может, я недостаточно хороша для феи Драже. Может, я не подхожу на роль. Может, я разочарую мистера К. И Алека. Может, все правы. И мама тоже. Мне вообще не стоит танцевать.

– Заткнись, – выговариваю я зеркалу. – Успокойся! Ты же получила роль!

Пытаюсь не думать о плохом, но сердце не унимается. Такого не случалось уже целый год. Тело обычно не подводит меня.

Сажусь на пол и соединяю вместе стопы – теперь мои ноги похожи на крылья бабочки. Опираюсь на колени. Дышу как на йоге – медленно и глубоко.

Ничто не отберет у меня победу. Ничто.

5. Бетт

Никто не говорил со мной после объявления ролей, даже Элеанор, которая посапывает на соседней кровати, довольная тем, что стала дублершей. Она-то может спать по ночам. А я уже все испробовала: считала овец, воображала себя качающейся на океанских волнах, представляла, как мое тело наполняется песком и тяжелеет. Но ничего не помогает. В голове на бесконечном повторе одна мысль: я – не фея Драже. Я – не фея Драже. Думаю, в телефоне уже полно сообщений от Алека, где он спрашивается о моем самочувствии, ведь я сбежала и спряталась в своей комнате. Но ничто не может изгнать эти мысли из моей головы. Поэтому я не сразу понимаю, что в дверь стучат. И это в час ночи, когда в общезжитии должна царить тишина, нарушаемая лишь шепотком тайных свиданий.

– Бетт? – Голос Элеанор сонный и мягкий, и мысли мои наконец очищаются.

Стук повторяется. Меня зовет комендант.

– Боже, да что там? – Я выползаю из постели.

Элеанор едва шевелится, трет глаза и ворчит что-то насчет времени и шума. Я открываю дверь и вижу кислое лицо коменды: она трет костяшки пальцев так, словно отбила их, пока стучала. Выглядит недовольной. Я тоже.

– Твоя мать, – объявляет она.

– А послать ее никак? – спрашиваю я.

Элеанор почти проснулась и теперь переминается с ноги на ногу позади меня.

– Это не моя работа, – отвечает комендантша и уходит, захлопнув дверь собственной комнаты. От этого просыпаются те, кого раньше не разбудил стук в дверь. Некоторые выглядывают из своих спален. Те, что похрабрее, спустились на лифте сразу после меня и подошли к родительскому залу на первом этаже, хотя Элеанор пыталась выпроводить их, а Лиз пригрозила им расправой. Это бесполезно: моя мать вечно устраивает шоу, и все об этом знают. К тому же эти девчонки лет десять ждали моего падения. И теперь ни за что его не пропустят.

Мама стоит у лифта – видимо, собиралась подняться без разрешения. Стальной взгляд, худая, губы сжаты в настолько прямую линию, что ей можно пользоваться как линейкой. В этом вся моя мать.

От нее пахнет красным вином и сырым стейком, а еще – злобой.

– Бетт. – Она сжимает губы, подкрашенные розовой помадой от «Шанель». Буквы «Т» спотыкаются.

Она тащит меня к студии С. Лифты открываются с тихим звоном. Оттуда вываливается еще толпа учеников. Мать их будто бы и не замечает. А может, ей все равно. Кто-то смеется, но все они трусы, и большинство прячутся за углом или спешат к охраннику, а сами прислушиваются к нашему раз-

говору. Они слишком далеко и не чувят, что от матери несет алкоголем, и не видят пятен пота на ее платье от-кутюр. Зато они слышат каждое ее слово – язык у нее заплетается.

– В следующий раз не ври насчет своих проб. – Она не повышает голос. Никогда. Потому что так он звучит более угрожающе, и она это знает. Даже когда мать растягивает слова, когда звуки льются с ее языка и цепляются друг за друга, она контролирует громкость. Мы протестанты, а протестанты не кричат.

– Я не какой-то там дублер, мама. – Я не позволяю своему голосу дрогнуть, но на глаза наворачиваются слезы.

Прошлой зимой я была единственной балериной шестой группы, кроме Кэсси, которая получила соло. Я была Арлекином и крутилась в обществе танцоров из седьмой и восьмой групп. Пытаюсь вытащить на поверхность то, что чувствовала тогда, но мама быстро топит весь настрой.

– Я уже позвонила кое-каким важным людям, чтобы они пришли посмотреть на твое выступление, Бетт, – шипит она. – Ты сказала, что пробы прошли хорошо. Я думала, что ты уверена в себе. Когда твоя сестра...

– Хочешь обсудить это с мистером К.? Я танцевала прекрасно. Он мне улыбнулся. А Адель он хоть раз улыбался? Да и вообще, хоть кому-нибудь? Да он сиял.

– Может, он смеялся над тобой, а? Об этом ты не подумала?

Я убеждаю себя, что трезвой она бы никогда так не сказа-

ла. Но это неправда. Она улыбается этой своей улыбочкой в розовом от «Шанель», и глаза ее прикованы ко мне. Не так уж мать и пьяна. В ее словах нет ни грамма грусти или сожаления.

Элеанор и Лиз выползают из ночных теней. Это наше правило: они не оставляют меня наедине с матерью, когда все выходит из-под контроля. Похоже, дела плохи.

Мы переглядываемся, и девочки подступают ближе.

– Здравсте, миссис Эбни! – Голос Элеанор звенит, как спасительный колокольчик, слишком светлый и легкий для такой ночи и таких разговоров.

– Добрый вечер, миссис Эбни! – Голос Лиз тонет в усталости.

Моя мать игнорирует их обеих. Она еще не закончила разрывать меня на куски.

– Ты не думаешь, сразу бросаешься в омут с головой. Прямо как твой отец.

Я стараюсь не заплакать от одного упоминания об отце, но обещаю себе, что позволю себе излить эмоции потом, в своей комнате, когда Элеанор будет в душе или еще где.

– Кому досталась роль? – вопрошает мать.

Я почти вижу, как ее маленькие ушки поднимаются, как у собаки, взявшей след. Она пришла сюда прямо со своего благотворительного бала, только чтобы задать этот несомненно важный вопрос. Ее глаза впиваются в Элеанор, а потом скользят по Лиз – моим очевидным конкуренткам.

– Не важно. Ее получила не я.

Я не выдаю Джиджи. Не хочу слышать, что о ней наговорит мать и в чем ее обвинит. Не хочу, чтобы Джиджи думала – если она прячется где-то здесь, с остальными, – что мне или моей матери до нее вообще есть дело.

– Кто, Бетт? – Она наклоняется ко мне, и вместо того, чтобы сосредоточиться на ее губной помаде, я впитываю запах ее идеального парфюма и кислотный дух алкогольных паров.

– Новенькая, – бормочу я.

– Господи боже! – выкрикивает моя мать, нарушая свою клятву оставаться тихой и спокойной, несмотря ни на что.

Лиз делает шаг назад. Элеанор придерживает меня за локоть, словно я вот-вот упаду.

– Ее зовут Джиджи, – вклинивается Элеанор. – Она очень сильно отличается от Бетт, так что, думаю, дело даже не в технике танца...

Она пытается защитить меня от страшного урагана, в который превращается моя мать.

– Джиджи... – Мама складывает два и два. Она все лето копала под новых учеников. Если кто-то и знает всех по именам, то это она.

– Джи... Нет, – выдыхает она. Глаза ее становятся круглыми, как блюдца, и она с недоверием смотрит на покрасневшую Элеанор.

Мне бы чувствовать облегчение. Я почти теряю равновесие, когда с меня скатывается камень материнского давле-

ния. Элеанор сжимает мне руку еще сильнее.

– Что ж, – медленно произносит моя мать. – Сейчас мы все исправим.

Я хватаю ее за руку, не давая сорваться в офис мистера К. Ей известно, что иногда он задерживается там допоздна. Но рука моя слишком дрожит после допроса.

И она вырывается. Платье развеивается за ней шлейфом, пока мать следует к офисам с целеустремленностью, которая напоминает о моей сестре. Если повезет, мистера К. не будет на месте, и она просто уйдет, оставив злобное и пьяное голосовое сообщение, которое его секретарша, надеюсь, сотрет утром. Она уже вооружилась мобильным телефоном – это все, что ей нужно, чтобы устроить сцену и превратить всю нашу семью в какую-то дурную шутку.

– Все хорошо, – шепчет Элеанор мне на ухо. Значит, все донельзя плохо. Элеанор говорит так только тогда, когда все идет под откос.

Лиз не произносит ни слова – морщит лоб и сжимает губы, принимая весь ужас момента. Она знает, что все плохо. Она мне не соврет. Даже если от этого мне станет лучше.

Студенты жмут кнопки лифта, уже не стараясь вести себя потише. Я слышу гортанный смех и кое-что другое – пародию на великую пьяную миссис Эбни. Поднимаю взгляд. Створки одного из лифтов придерживает Уилл: рыжие волосы прилизаны цветным гелем, которым он пользуется по вечерам, пальцы порхают над телефоном, наверняка рассылая

сообщения (надеюсь, без видео) о том, что случилось. Он и собрал тут половину школы. Обожает мои падения.

Элеанор пытается меня удержать, чтобы я не налетела на стервятников первой, но я отпихиваю ее. Может, мама на меня надышала. Или нет. Но я устала притворяться, что все в порядке, особенно когда это не имеет значения. Бегу к толпе учеников с диким желанием кому-нибудь врезать. До Джун с ее худой задницей остается меньше метра – я могу оттолкнуть ее от лифта, если б хотела.

И я хочу. Сделать кому-то больно. Чтобы мне стало легче. Но если я ее ударю, то проблем у меня прибавится, да и в данный момент больше всего на свете я ненавижу не Джун.

– Осторожнее, дамы! Бетт сорвалась с цепи, – насмешливо предостерегает Уилл.

Я протискиваюсь мимо него, мимо Джун, мимо всех них, задевая локтями как можно больше девчонок, к последнему лифту. Никого в него не пускаю. Взлетаю на одиннадцатый этаж. Распахиваю дверь спальни. Дверь ванной. И вот она, передо мной. Та, кого я ненавижу больше всего. Ее я хочу ударить. Заношу руку, кажется, впервые в жизни сжимая ее в кулак, и бью по зеркалу. Так сильно, что оно раскалывается. Так сильно, что его осколки падают в раковину. Так сильно, что на костяшках выступает кровь.

И мне больно. Но не так больно, как было до этого.

6. Джун

Мама звонит каждое утро ровно в 7:30 и каждый вечер в 8:30, ни секундой раньше, ни секундой позже. Точная, как швейцарские часы. Она всего лишь хочет удостовериться, что ее крошка в порядке – то есть за полчаса до комендантского часа сидит в своей комнате, в безопасности, за закрытой дверью. Она никогда не звонит мне на мобильный, чтобы я не смогла ее обмануть, и приходится бегать к платному телефону в коридоре женского общежития – настоящему реликту древних времен. Но я и так всегда здесь – в классах, студиях, общежитии или комнате отдыха. Я только и делаю, что занимаюсь и танцую. Я – ее маленькая идеальная дочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.